

ДЕТИ ВОЙНЫ

Глава первая

В ЕЛАУРЕ

В 1937 году, когда безвременно ушел из жизни мой отец (он не был репрессирован, смерть забрала его после долгой и тяжелой болезни), мать отправила моей бабушке прискорбное письмо с просьбой приехать к нам. «Невыносимое горе свалилось на нашу семью. Приезжай ухаживать за малолетними детьми», - писала она.

Бабушка, которая одна проживала в селе Елаур Сенгилеевского района, была ровесницей В.И. Ленина, и ей тогда исполнилось 67 лет. Но она быстро собрала свои пожитки и по Волге на пароходе прибыла к нам в отдаленную деревню Средние Алгаши Богдашкинского района. Здесь уже пятый год учительствовала моя мама. Бабушка долго не могла привыкнуть к новому месту, болезненно грезил по родному Елауру.

В Средних Алгашах мы жили в здании сельской начальной школы, основанной в 1896 году известным просветителем чувашского народа И.Я. Яковлевым, где были предусмотрены специальные комнаты для учителей. На стене висели старинные круглые настенные часы. В день, когда приехала моя бабушка, ночью она с испугом проснулась от боя часов со словами: «Где пожар?». И это неслучайно. В те годы в Елауре сохранилась еще пожарная каланча с огромным колоколом. В полдень дежурные сообщали сельчанам время его звоном. Колокольный набат собирал народ и во время пожаров. Бабушка говорила нам, что за свою длинную жизнь она три раза пострадала от пожара, и колокольный звон навсегда врезался в ее память. На этот раз бой часов снова напомнил ей о тревожном прошлом. Но случай этот вызвал у собеседников лишь дружный смех.

Бабушка не только грезил по родному селу, она настойчиво просила маму вернуться в Елаур на постоянное жительство. Там еще в те годы работала средняя школа, к тому же дом у бабушки пустовал.

Однажды мама поддалась уговору, договорилась со знакомым мужчиной с нашей улицы Улендюком, который вместе с другими возчиками возил в Ульяновск колхозный хлеб, и на другой же день со всем домашним скарбом мы отправились в дальний путь. Ехали целый день под палящим солнцем. К вечеру добрались до пригородного села Лаишевка, где у самого берега реки Свияги возчики кормили уставших лошадей, и, переночевав на открытом воздухе, утром явились в город на Волге. Вид с обрыва открывал голубую панораму, где водная гладь сливалась с горизонтом. Это произвело на нас неизгладимое впечатление. Скоро мы спустились к пристани и через некоторое время сели на волжский пароход. Ранним утром мы оказались на причале у города Сенгилей.

От Сенгилея до Елаура предстояло преодолеть еще 15 километров пути. Оставив нас с моим младшим братом среди чемоданов и мешков с вещами,

мать с бабушкой ушли искать попутных возчиков. Мы с братом с любопытством наблюдали, как пробуждается город у самой Волги, как Чук и Гек из известного рассказа Аркадия Гайдара. Вскоре послышался знакомый говор на чувашском языке.

- Ба! Кого я вижу? Кума Матрена, это вы? Какими судьбами?!

- Как видите, так и есть, кум Егор!.. Со всей семьей едем!.. И Степанида здесь и её дети...

- Очень приятно слышать!.. Значит, вместе поедем...

Услышав радостный говор, мы встрепенулись. Однако говор у попутчиков своеобразный. Они заметно окают. Таков местный колорит у елаурцев. Но вполне понятный и душевный. Через некоторое время мы и сами легко приспособились к местному говору.

В Сенгилеевском районе три крупных населенных пункта чуваш: Елаур, Алешкино и Вырастайкино. Население этих мест, традиционно находясь среди русских, с детства свободно владеет русским языком.

И вот мы, снова погрузившись на попутную подводу, отправляемся в заветный Елаур. Это крупное село разместилось в широкой долине у крутой горы. Для того чтобы попасть туда, следует объехать крутой обрыв. Бабушкин дом рядом с этим обрывом. Почти у всех селян на задворках имеется зеленый сад. К сожалению, у нашей бабушки сад не сохранился. Все яблони давно высохли, их сухие ветки пугают своей чернотой, как пальцы рук сказочного дьявола. Все-таки у самого края ограды мы обнаружили два куста смородины.

Дом у бабушки тоже весьма старый, покрытый соломой, местами крыша совсем обветшала. Имеются и надворные постройки, они тоже в таком же жалком состоянии. Более-менее сохранились глухие широкие ворота.

Почти у каждого двора имеется летняя кухня. Такая же времянка, сложенная из саманного кирпича, была и у нас. Только теперь от нее остались одни развалины.

Глава вторая

ВОЙНА!

В Елауре мы нашли своих новых друзей, родных и близких. Мы весело провели летние каникулы. Богатые природные условия: рядом большой лес, чистая речная вода, ключевые источники, - веселые детские игры подкупали нас. К сожалению, в переводе на работу по новому месту жительства маме отказали, и мы вынуждены были вернуться в родные края.

Но летом 1941 года мы снова всей семьей оказались в селе Елаур. У бабушки по-прежнему своя «песня» - скорее вернуть мать в родное село. Но сделать это не так-то просто: на новом месте она давно завоевала уважение сельчан. Учитывая это, районное начальство по-прежнему продолжает игнорировать её просьбу. Наш новый приезд собрал всю родню.

Они празднуют. Среди гостей два офицера Красной армии, которые служат на западной границе. Один из военных - наш близкий родственник, другой - сын соседской старушки по прозвищу Барыня.

Мы, дети с одной улицы - мой закадычный друг, тезка и ровесник, по фамилии Шитов, брат Геннадий и другие ровесники-друзья, шумной толпой играли в свои игры на самой середине проезжей дороги. У многочисленных взрослых гостей праздник в разгаре, даже на улице слышна популярная у елаурцев народная песня «Шумел камыш». Неожиданно громкая застольная песня умолкла, и вместо веселой мелодии улица вдруг заполнилась истошным плачем женщин. В чём дело? Кто-то тревожным криком объявляет:

- Война!..

Оказывается, местная почтальонка только что принесла землякам-офицерам срочные телеграммы вернуться в часть. Гости быстро разошлись.

С этого момента обстановка в селе круто изменилась. Начались проводы на фронт. Окончилось и наше безоблачное детство.

Словно почуяв людское горе, на другой же день небо обволокли хмурые тучи и начались продолжительные дожди. Наши родственники срочно стали провожать боевых офицеров на границу. На дворе их уже ждал возчик с телегой. Плач близких под барабанный дождь лишь увеличивается. Но никто не спешит уходить домой. В своем патриотическом порыве «барсучок Ваня», как его звали в селе, во весь рост поднялся на телеге, словно на трибуну, и стал произносить прощальную речь:

- Дорогие земляки! Родные елаурцы! - говорил он.

- На нашу страну вероломно, без объявления войны напала фашистская Германия! Но враг будет разбит! За короткий срок мы преодолеем это коварное нашествие и уничтожим гитлеровцев на их же земле!

Он был прав. В результате так и произошло. К сожалению, сроки эти затянулись на целых четыре года. Нас ожидали неисчислимые жертвы. Но об этом тогда никто не подозревал. Вскоре все мужчины призывного возраста были мобилизованы на защиту Родины.

Наш близкий родственник, соседский парень, шестнадцатилетний дядя Петя, недавний зачинатель наших детских игр и забав, тоже на наших глазах повзрослел. В его руках я часто наблюдал сенгилеевскую районную газету под названием «Сталинский организатор». Он внимательно следил за военными событиями. Они с его пожилым отцом вдумчиво и тревожно обсуждали неудачи нашей армии с первых дней войны.

- Если события будут разворачиваться таким образом, вскоре и тебе придется примерить солдатскую шинель, - говорил дядя Егор своему младшему сыну.

Его пророчество сбылось. Все четверо его сыновей стали участниками Великой Отечественной войны. Живыми вернулись только двое из них - Степан и Виктор. Старший - дядя Ваня, призванный довоенных, погиб смертью храбрых 6 февраля 1942 года, а наш любимец дядя Петя был призван в Красную армию в юном возрасте - в 18 лет. Он стал танкистом, погиб в неравной схватке с врагом в марте 1943 года. А прадед семьи - дядя Егор - отслужил в стройбате в городе Куйбышеве.

Глава третья

ДОМОЙ!

С началом войны мы сразу же поспешили вернуться в деревню Средние Алгаши. Мама работала там заведующей начальной школой. Кроме того, вела большую общественную работу - была секретарем первичной партийной организации двух соседних населенных пунктов: Средних и Новых Алгашей. Численность коммунистов была небольшой, в основном люди пожилого возраста. Из Новых Алгашей - с белой кудрявой сединой Кузьма Беляков, один из старейших коммунистов Тихон Рухлин, русская женщина-большевичка с дореволюционным партийным стажем Дуня Шафеева (в народе её называли Дуняшей), из Средних Алгашей - бригадир полеводческой бригады, лицом явно похожий на всесоюзного старосту Калинина, семидесятилетний старик Токтамыш Улендеев, почти неграмотные колхозники, инвалиды по состоянию здоровья Абдюк Сайдышев, Владимир Семенов и, конечно же, председатель местного колхоза «Победа» Сетриван Портнов, высокий мужчина-тяжеловес, временно освобожденный от службы в армии по броне. В конце войны все-таки и он был мобилизован в Красную армию, и вскоре пришло известие о его гибели. На своих собраниях коммунисты обсуждали самые актуальные и животрепещущие вопросы военного времени. Проходили они зачастую прямо у нас, в нашей школьной квартире. Поэтому я всегда вынужден был наблюдать за ними и слушать эти непростые взрослые разговоры. Мама сама вела протоколы этих собраний в общей тетради, где подробно записывала выступления коммунистов и их решения. Второй экземпляр протоколов надо было отправлять в райком ВКП(б). Так как почерк мой считали красивым, эту техническую работу мама доверяла мне.

Кроме того, её часто посещали солдатские супруги с просьбой прочитать письма с фронта, вести переписку с родными или близкими фронтовиками, ибо среди рядовых земляков встречалось немало неграмотных. В летние дни на зеленой лужайке у дома собирались вдовы фронтовиков послушать фронтовые новости из уст моей мамы, которая читала им вслух свежие материалы из центральной газеты «Правда» и приволжской краевой газеты «Волжская коммуна». Так доходили до нас острые публицистические статьи известных писателей тех лет: Ильи Эренбурга, Михаила Шолохова, Константина Симонова, Алексея Толстого, Бориса Полевого и других. Особенно потряс всех очерк военного корреспондента Петра Лидова «Таня», опубликованный в газете «Правда», о трагической гибели партизанки Зои Космодемьянской. При этом многие плакали. Мама тоже не сдерживала слез. Всеобщий интерес вызывали главы из повести Ванды Васильевской «Радуга», которая впервые печаталась также на страницах газеты «Правда».

Зверства фашистов вызывали у слушательниц ненависть к оккупантам, а героизм советских бойцов - чувство гордости за их ратный подвиг. В том же 1942 году в «Правде» был опубликован яркий, запоминающийся очерк о нашем земляке Герое Советского Союза Павле Васильевиче Лаптеве, жителе

села Богдашкино. Позднее известный чувашский писатель Илья Тукташ выпустил отдельную брошюру на эту тему. Вскоре это произведение стало хрестоматийным. Мы, дети войны, тоже ревностно следили за всеми событиями.

Глава четвертая

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

Произошли изменения и в нашем школьном коллективе. В сорок первом к нам направили новую учительницу, выпускницу Ульяновского педучилища имени И.Я. Яковлева Ольгу Васильевну Нагорнову. Она была из близлежащего села Богдашкино, девушка красивая и ликом, и душой. Подвижная и общительная, новенькая сразу полюбилась всем. Ольга Васильевна обладала широкими познаниями и приятным голосом, научила нас многим новым песням.

Другая молодая учительница была из соседнего села Новые Алгаши. Она была выпускницей Хорноварского педучилища и жила у родителей, ежедневно приходила из своего села и вела школьные занятия.

Для Ольги Васильевны мать выделила соседнюю с нами небольшую комнату. В школьном здании жила еще одна семья - уборщица Агриппина Денисовна, мать двоих детей: сына Аркадия и дочери Анисии. До войны, после развода отца с его матерью Агриппиной, Аркадий оказался в Москве. К великому горю, его отец погиб в первые же дни войны, защищая столицу. Его вторая жена - мачеха Аркадия - вынуждена была вернуться в родную деревню. Аркадий стал ходить в нашу сельскую школу. И тут он встретил свою родную мать, стал с ней общаться. В результате вернулся в родную семью.

Ольга Васильевна привела к себе племянницу Веру, тоже нашу ровесницу. Таким образом, все мы стали жить почти одной семьей.

К сожалению, судьба Аркадия сложилась трагически. После окончания начальной школы он несколько дней ходил с нами в соседнюю семилетнюю школу в Старые Алгаши. Но вскоре из-за трудностей военных лет вынужден был оставить учебу. Устроился на работу в тракторную бригаду плугарем. Его жизнь оборвалась нелепо в 1947 году. После очередной ночной смены он, усталый, лег отдохнуть на меже. И крепко заснул. На повторном заезде тракторист его не заметил. Похоронили Аркадия на Новоалгашинском кладбище рядом с могилой моей бабушки, которая скончалась до окончания войны - в 1944 году.

Это была не последняя трагедия. Племянница Ольги Васильевны - школьница Вера - погибла в результате удара молнии на своей малой родине.

Глава пятая

ГОЛОД

Из военных лет самым трудным оказался 1943 год. В стране наступил голод. Из-за нехватки рабочей силы на большой площади урожай зерновых оказался под снегом. Перезимовавшее зерно для многих оказалось отравой. Были жертвы. Иные ели трупы погибших лошадей. Деликатесами стали лепешки из перезимовавшего картофеля, из него делали крахмал. В летние дни дети собирали ранние весенние

полезные травы, варили супы из крапивы, щавеля и из других даров природы.

К нам ежедневно заходила соседка тетя Селимэ, супруга друга моего отца дяди Мити, который за проявленное мужество в битве под Москвой был удостоен медали «За отвагу», о чем мы знали из его фронтовых писем. Тетя Селимэ регулярно извещала нас о жертвах голода:

- Умер старик Эптек...

- Скончался Павел с нижней улицы...

Мы их каждого знали в лицо. Эптек - худощавый старик, всегда ходил в рваном шубняке. Жил недалеко от нас. В семье кроме него были две несовершеннолетние дочери. Единственный сын пропал без вести на фронте.

Однажды он заходил к нам, прося милостыню. Я был дома один. Дал старику несколько картофелин.

Павла я тоже знал. Это был болезненный мужчина средних лет, дальний родственник уборщицы тети Агриппины. С бледным лицом. Из-за слабого здоровья не был призван в армию.

В другой раз тетя Селимэ сама пришла к нам с просьбой оказать помощь.

- Степанида Ильинична, - попросила она маму.

- Мы тоже дошли до крайности. Будьте добры, не из чего сварить похлебку...

Мама удовлетворила просьбу соседки: насыпала чашку муки.

С продуктами питания нам было легче. Учителям по талонам ежемесячно выдавали немного муки. Членов семей фронтовиков государство тоже поддерживало по возможности. Так, остро нуждающиеся обращались в районную организацию с заявлениями оказать социальную помощь. Просителей было хоть отбавляй. Мама для каждого находила время, чтобы написать заявление в адрес районного отделения социальной помощи.

Люди приспособились на приусадебных участках выращивать не только картофель и овощи, но и зерновые культуры. Мы тоже на нашем школьном огороде, на половине площади, в один год выращивали просо, а на другой - пшеницу. Но тут возникала другая проблема - воробьиные стаи на корню стали уничтожать наши посевы. Мы были вынуждены целыми днями отпугивать их. При этом пользовались шумовыми эффектами, специальным изобретением местных рационализаторов.

Для детей колхозников, занятых на полевых работах, были организованы детские ясли, ими тоже заведовала моя мать.

Глава шестая

МОИ ДРУЗЬЯ

Моими друзьями военного лихолетья были Николай Ильмендеев, его старшая сестра Зоя, дочь дяди Мити - Зина Ильмендеева, Люба Ендиярова - приемная дочь участника Сталинградской битвы дяди Медэра, сын участника боев на Смоленском направлении дяди Эптюша Николай Сайдяшев. Все они почти ровесники, чуть помладше - Анатолий Исливанов и Константин Ильмендеев, а самый старший - Василий Сайдяшев, 1928 года рождения. Он был на 3-4 года старше нас, но ростом не отличался от других. Гово-

рили, что сиротская доля отрицательно сказалась на его физическом развитии. Впрочем, он во всем руководил над нами. Приемный отец в городе приобрел для него настоящие спортивные горные лыжи, и он смело преодолевал самые крутые высоты наших оврагов и выписывал на них выражи. На фабричных лыжах катался и мой закадычный друг Николай Ильмендеев. У всех других лыжи были самодельные и плохо скользили. Любили мы кататься и на санках, и на так называемых деревянных «стульях-ледяшках».

Не только катаниями на лыжах и коньках ограничивались наши увлечения. Конечно же, все мы по возможности старались помогать взрослым колхозникам на сельхозработах. Летом ходили на прополку, участвовали на сеноуборке. Кто постарше, во время весенне-полевых работ ходил за плугом, бороновал предпосевные участки.

В первые же дни войны на страницах газет появились чертежи оборонительных окопов вокруг строений. Мы тоже своими силами вырыли подобный окоп в огороде. На ночь окна закрывались ставнями или темной бумагой, предварительно красили старые газетные листы черными чернилами. Впоследствии нам еще долго будут сниться кошмарные сны о бомбежках фашистских самолетов.

В годы войны учебный год в школе начинался не 1 сентября, а на месяц позже - 1 октября. За эти дни мы, дети, наравне со взрослыми продолжали участвовать в уборке хлебов, собирали колоски. Непочтительный край работ ожидал нас на токах - таскали снопы к молотилке, скирдовали солому, на лошадях или быках возили снопы к месту скирдования. Собирали и отправляли на фронт теплые вещи, писали письма фронтовикам. Горячо волновали нас и вести из действующей армии.

Глава седьмая

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

В победный год я учился в 5-м классе Староалгашинской семилетней школы. В тот памятный день, как всегда, шли очередные занятия. Во время перекура наш классный руководитель Пелагея Петровна Иванова пригласила меня в соседнее классное помещение, где мы выпускали стенную газету. Потом она незаметно ушла, а я остался один и занимался оформлением стенгазеты.

Пелагея Петровна - полная женщина преклонных лет. Близорукая, надевает очки в светлой оправе. В свое время она окончила Симбирскую чувашскую учительскую школу. Она была не только землячкой известного просветителя И.Я. Яковлева, но и прихо-

дилась ему родственницей. «Патриарх всегда называл меня «внучкой», - говорила она. Наставником и учителем её был автор бессмертной поэмы «Нарспи», классик чувашской поэзии Константин Иванов. Мы всегда, затаив дыхание, слушали её воспоминания о наших знаменитостях из прошлого. Пелагея Петровна вела в школе чувашский язык и литературу. Супруг её, Андрей Петрович, директор школы, преподавал русский язык и литературу. Он также отлично играл на скрипке. В 1944 году, когда в печати появились текст и ноты гимна Советского Союза, он впервые познакомил нас с его великолепной мелодией, затем мы исполнили гимн всей школой.

Сын Ивановых - Леонид Андреевич, в свое время тоже окончив Ульяновское педучилище имени И.Я. Яковлева, стал учителем начальных классов, а перед самой войной был призван в Красную армию. В роковом сорок первом родители успели получить от него единственное письмо. Затем он, оказавшись в плену, погиб от рук фашистских палачей. Родители трудно перенесли эту невосполнимую утрату.

Забегая вперед, хочу сказать, что Ивановы были основателями династии учителей нашего края. В послевоенные годы за многолетнее воспитание молодого поколения Пелагея Петровна и две её взрослые дочери - Роза и Люция - были награждены орденами Ленина. Теперь их дети и внуки успешно трудятся на ниве просвещения.

Я едва успел приступить к заданию классного руководителя, как вскоре она появилась снова в особом приподнятом настроении.

- Война окончена! Победа! - только и успела сказать.

И мы с восторженными возгласами побежали в класс. Пелагея Петровна отпустила нас всех домой, и мы шумной толпой ринулись на улицу, восторженно провозглашая всем, кто встречался на улице, об этом безмерно радостном событии.

На базарной площади села образовался стихийный митинг. С крыльца магазина пожилой старик произносит речь. Им оказался отец Героя Советского Союза Николая Григорьевича Князькина, который в 1943 году героически погиб при освобождении Киева от фашистских оккупантов. Наш земляк-танкист в этом трудном бою уничтожил три орудия противника, четыре пулеметных гнезда и большую группу гитлеровцев.

В настоящее время в центре села высится памятник в его честь. А тогда мы вернулись домой полные надежд, с молодым задором и оптимизмом и с криками «Ура!».

С чувашского, перевод автора, 2009 год

